

И в этом корни надежды,
Источник верного знания.
Что Билли Гейтс не канает
Супротив Че Гевары,
Что скоро новых мальчишек
Разбудят новые песни,
Поднимут новые крылья!..

Олег Медведев. Алые крылья.

Михаил Немцев,

социальный антрополог,
кандидат философских наук,
заместитель главного редактора
журнала «60 параллель»,
Новосибирск
Nemtsev.m@gmail.com,
mnemtsev.livejournal.com

ЗАЧЕМ ЖУРНАЛ?

Размышления редактора
об иллюзиях, целесообразности
и коллективном воображении

И только Солнце снова будило
его, дыша в висок,
кричало: «Вставай, ведь
такова твоя функция
во всех попутных мирах,
где горит твоё колесо,
до поры, пока не вытек бензин!>

Олег Медведев. Солнце.

Мотивом для нижеследующих размышлений стали мои, как редактора, постоянные неудачи в попытках адекватно объяснить потенциальным авторам стиль и манеру, в которых должны быть написаны материалы для «60 параллели». Особенно проблематично это сделать в разговорах с ортодоксальными членами академического сообщества. В силу личных обстоятельств я постоянно общаюсь с такими людьми, и поэтому часто ищу авторов среди них. И постоянно выясняется, что «нормальный учёный» может себе представить текст — статью о том, в чём он действительно разбирается, что даже интересно ему самому и о чём я настоятельно прошу его рассказать — в двух жанрах: либо это будет сугубо

жется, второй жанр появляется, когда авторы пишут статью из вежливости или же сознательно пытаются уйти от стереотипов «нормальной академической деятельности», а в этом случае перед глазами у них как будто только один пример: респектабельные глянцевые журналы, в которых никто не ставит перед собой целью «углубиться» или «выскнуть» в то, о чём идёт речь, лишь бы эта речь лилась гладко и минимально содержательно. Нам же в «60 параллели» нужно нечто третье. Демонстрация в качестве примера уже опубликованных статей не помогает. Я не могу винить своих потенциальных и актуальных авторов в неспособности «попасть в жанр», поскольку я и сам не знаю, как его, этот жанр, определить.

научная статья (с развитым ссылочным аппаратом, заверениями в актуальности темы и неизбежным объективированным «мы» — безличной фигурой не рассказчика, но «информатора») — либо статья «журнально-газетная». В первом случае этот текст интересен почти исключительно специалистам (а порою не интересен даже им, потому что им придётся делать усилие, чтобы прорваться сквозь иссушающие и отчуждающие обороты академической «объективности»); во втором это нечто развлекательное или с откровенно развлекательной интенцией, нечто рассказывающее «о теме» так, чтобы это было интересно читать. Интересно, но не более того. При этом, как мне ка-

Из многих определений цели и «миссии» журнала, которые рождались в разговорах и переписке (а сотрудники редакции «60 параллели» живут в разных городах), я чаще всего использую такое: *«60 параллель» — это журнал о культурной политике и гуманитарных технологиях*. Но тогда, конечно, надо определять, что такое «гуманитарные технологии» (не говоря уж о «культурной политике»), поскольку тогда нужно будет объяснять ещё и ещё — те смыслы, которые скрываются за всплывающими в объяснении словами, примеры, которые приходят на ум... Ведь даже те, кто знаком с такими изданиями, как «Со-общение» или «Вопросы методологии», легко кивнут

ЗАЧЕМ ЖУРНАЛ?

Размышления редактора
об иллюзиях, целесообразности
и коллективном воображении

головой в знак того, что им-то всё понятно, но не всегда смогут внятно объяснить, что же имеется в виду. Иногда я говорю об *«использовании средств культуры для развития индивидуальных и групповых идентичностей»*, но это выражение тоже звучит довольно эзотерически... Порой можно упомянуть и об *«исследовании культурных практик»*. Но термин «практика» многозначен и его ясность иллюзорна. Мы так часто встречаем его в языке обществоведения, что даже не углубляемся в понимание смысла его определения. Боюсь, это тоже не добавляет понимания многим в вопросах: о чём, как и для кого писать в журнал, ключевыми словами которого являются «культура», «развитие», «практика», «идентичность», но при этом ещё и «политика», и «гуманитарная технология» и «региональное развитие».

То, что журнал «60 параллель» живёт и развивается вот уже семь лет, определяется, я думаю, надеждой или упованием тех, кто его делает и кто его поддерживает, на существование определённого класса людей. Это люди, занимающиеся — вернусь к своим определениям — развитием новых идентичностей (как вариант, прояснением и усилением налично данных) с помощью символических средств культуры; для этого они развивают различные социально-культурные практики, а комплекс мер по организации такого развития (в том числе — их коммуникативное обеспечение, задача для любого печатного издания, и наша в том числе) можно назвать «культурной политикой». Пожалуй, так. Можно здесь упомянуть ещё о «менеджменте культуры» — это словосочетание, по-видимому, становится сейчас официально признанным наименованием профессиональной специализации, а наше дело тогда называется «культурная журналистика», но лично мне кажется более точным/«сердцевинным» предметом нашего интереса — именно практика развития идентичностей.

Что же это за профессия, да и профессия ли? Что за люди этим занимаются, точнее, кто осознаёт или мог бы с помощью именно этих слов описать круг своих профессиональных обязанностей и/или жизненных интересов, или свои занятия?

Реплика

Возникает ощущение, что эта подразумеваемая профессиональная или культурная группа в России почти не существует. Потому и жанр статей, ориентированных на такого читателя, практически неизвестен. Тем более, что с 32 номера «60 параллель» лишилась англоязычной своей половины (английские переводы теперь публикуются только на сайте журнала), и круг аудитории бумажного журнала сузился (впрочем, мы и выиграли хотя бы за счёт того, что номер стал компактнее, а значит, его стало куда проще уложить в дорожную сумку, чтобы почитать в поезде или самолёте — это тоже важно!) до масштабов так называемого «Русского мира». Поэтому в надежде этой очень много идеализма или даже самообмана.

Но в то же время, круг возможных читателей очень широк: это и деятели традиционных культурных сфер (музеи, университеты, медиа, туризм и экскурсионное дело), и те, кто создаёт «креативные индустрии»; арт-кураторы; студенты, которые учатся хотя б тому же «менеджмен-

ту культуры» или просто менеджменту (но интересуются не только состоянием дел с собственной зачёткой); преподаватели, которым надо на что-то ориентировать своих лучших студентов; журналисты, которые про это пишут (и не хотят писать на уровне зрительских эмоций); гуманитарии, которые всё это могут исследовать (социологи, политологи, культурологи, антропологи...); и наконец, те, кто может или должен принимать решения о развитии местных сообществ — от уровня муниципальных районов до регионального уровня. Есть ощущение, что кем бы наш читатель ни был по профессиональному статусу (тем более не о местоположении трудовой книжки речь), он обладает двумя качествами. Во-первых, он заинтересован в знании об общем состоянии дел в «этой» сфере; он смотрит на соседей, чтобы не делать то, что делают другие, либо делать чуть иначе, либо если делать, то вместе — а для этого надо знать о делах соседа — во-вторых, он чаще всего «работает в культуре». Речь может идти

ЗАЧЕМ ЖУРНАЛ?

Размышления редактора
об иллюзиях, целесообразности
и коллективном воображении

об искусстве, о символических репрезентациях массового сознания, или об образовании. «В культуре» больше, чем «в политике» или «в управлении» (просто такова особенность нашего журнала). Развивая культурные практики, такой человек ориентируется на некоторые, пусть неясные наблюдателю, стандарты и образцы профессионализма, и обладает навыками и знаниями, позволяющими этот уровень выдерживать. А этим невозможно заниматься в одиночку.

Здесь не обойтись без понятия «*сообщество*». Этот утвердившийся в социологической литературе перевод английского community — изначально латинского *communitas* — не очень удачен; по звучанию и подсылу он слишком близок к «обществу», которое «социум» (это неуклюжее слово, пришедшее в обиходную речь из плохих постсоветских учебников социологии, здесь уместно); но «сообщество» — это другое, это «коммуна»; что значит — совместная жизнь. В средневековых городах были коммуны, жители которых, может быть, и *не очень-то любили друг друга*, но делами друг друга интересовались; они исправно вместе несли службу на городских башнях, не обманывали друг друга на рынке, подчинялись решениям городских советов и сами ответственно входили в их состав. Так они вместе и строили то пространство,

которое и сделало возможным европейскую цивилизацию, какой мы её знаем. И я утверждаю: «60 параллель» — это журнал (для) сообщества. Русскоязычного гуманитарного сообщества. И сразу же надо скептически добавить: если таковое налицо существует.

Лично мой общественный идеал, точнее представление о том, что и как надо делать наилучшим образом, основан на двух принципах: во-первых, всем до всех должно быть дело, во-вторых, люди (действующие субъекты) должны быть взаимозаменяемы. Второе обеспечено первым. Мне нравится ситуация, когда каждый вокруг тебя способен делать несколько дел, когда жизнь направлена в разные стороны, когда есть возможность передать начатое дело другу (друзьям), и двигаться дальше; когда жизнь не делится на сумму проектов/трудоустройств, когда уникальность каждого участника сообществ определяется не уникальностью места, которое он сумел занять (будь это пост или позиция), а личной историей и совокупностью произведённого по пути опыта, когда жизнь становится быстрой и при том интенсивной. *Кооперация* (по-русски — взаимодействие), *обмен*, *доверие*, *открытость* — это не только ценности, но и моральные основания для деятельности, без которых невозможно то, чего я хочу для себя и для других: свобода и возможность со страстью прожить несколько жизней за одну — физическую.

Конечно, обычно происходит не так. Члены «гуманитарных сообществ» на смерть держатся за собственные проекты, поскольку знают: уйдут они — и всё рухнет (оно и рухнет, проекты ведь *авторские*, и передача их в чужие руки требует нечеловеческого усилия). Члены гуманитарных сообществ живут на рынке, а поэтому с осторожностью и обмениваются информацией, и сближаются с такими же, как они, «деятелями»; члены гуманитарных сообществ играют и на *административном* рынке, принимая местные правила игры, а когда там, наконец, доходит дело до сакрального объекта «бюджет», ощущение жизни и скорости меняются, и начинается обычная жизнь обычных и в принципе — хороших людей («своя

рубашка ближе к телу», да... и кому как не мне, по основной профессии полунцием преподавателю философии, об этом судить); члены гуманитарных сообществ склонны выдавать желаемое за действительное, особенно если у них появилась возможность выгодно сыграть в экспертную деятельность, исполняя ритуалы публичной эрудиции и смелого прогнозирования... Если присмотреться, то оказывается, что полная открытость («*всем до всех есть дело*») и взаимозаменяемость («*коллективное авторство*») — отношения, не реализуемые в действительности; гораздо естественнее (это слово я специально выделяю курсивом) каждому делать своё дело, по ситуативной возможности — пилить бюджет, в некоторых случаях — продвигать бренд, и дружить исключительно со «своими»...

Всё-таки кажется, что, по крайней мере, иногда тот образ жизни, о котором я написал, возможен. Или же, лучше, он *должен хотя бы существовать как возможность*. Если чем и привлекательны городской образ жизни, постиндустриальная капиталистическая (якобы «креативная») экономика и т.н. «инновационное развитие» — то *вот этим*. Возможностью реализации такого (гуманистического!) идеала. И тогда, когда этот идеал становится хотя бы немного ближе, он должен быть поддержан и обеспечен информационно-аналитической средой особого типа: формирующей общую картину происходящего в сообществе; позволяющей проникать внутрь чужих (соседских) практик; выявляющей перспективы и возможности, которые всё равно в одиночку не освоить; позволяющей связать людей занятых сходными делами в (сколь угодно кратко живущую, пусть даже одноразовую, но) сеть. И ради этого, собственно, и стоит изучать гуманитарные практики, пусть даже они... слабоваты или вообще кажутся бесперспективными. Всё равно о них может быть полезно знать *другим*.

Если бы я писал аналитический материал о социально-коммуникативных функциях «60 параллели», я бы выделил, в проективном или гипотетическом залоге, три главные функции. Во-первых, информационную. Журнал должен рассказывать

о происходящем: о новостях средне- и долгоживущих, о событиях, о текущей деятельности «интересных практиков». Картина, которую мы стремимся представить, должна быть актуальной и разной; ради этой разности журнал, генетически связанный с музейным сообществом, ни в коем случае не может ограничивать себя ориентацией на происходящее в этом обществе (а будь так, едва ли я оказался бы его сотрудником...). Максимальное многообразие — и тематическое, и географическое, и стилистическое — обозначаемых явлений и процессов, должно быть абсолютной ценностью для такого издания. По крайней мере, в нашем, столь бедном (пока ещё?) на подобные коммуникативные среды, пространстве.

ЗАЧЕМ ЖУРНАЛ?

Размышления редактора
об иллюзиях,
целесообразности
и коллективном воображении

Во-вторых, «60 параллель» призвана работать на приращение общественной связности. Каждая статья, кроме авторской подписи, снабжается электронным адресом, а иногда и блоготом автора; несмотря на самопровозглашенную всепроницаемость Интернета, до сих пор многие «гуманитарные практики» изолированы в своих средах (регионах, компаниях), а журнал должен давать возможность, пусть маленькую и почти иллюзорную, из этой изоляции — если есть на то интерес (а он бывает, несмотря на массовую тенденцию «жить своей жизнью», о чём выше) — выйти. И это — к добру. На сайте обновляются специальные новости, но значение этой доски объявлений, я думаю, не столь информационное, сколь мотивационное: столько всего происходит вокруг, и в этом можно (и нужно) принимать участие! Это часто оказывается проще, чем кажется снаружи. Написать письмо... подготовить заявку... внимательно прочитать приглашение...

Третье. «60 параллель», как было сказано, не научный журнал. Скорее, исследовательский проект. Значительная часть работы, которую мы выполняем, состоит в распознавании, анализе и описании этих самых культурных практик. Часто это приходится делать в процессе «доводки» статьи, пришедшей буквально чёрт-знает-откуда; в процессе переписки автор (кажется) начинает лучше понимать самого себя и собственное дело, статья переписывается несколько раз и, хотя это занятие может оказаться просто мучительным, *другого способа узнать, что там на месте происходит, нет*. И Интернет-поиск не поможет. Можно поехать туда, чёрт-знает-куда, и провести там полевое исследование, но за невозможностью проделать это, мы имеем, по крайней мере, статью.

А ведь мы живём в такой малоисследованной стране! Огромное количество культурных практик, развиваемых «на местах», не были — пока либо вообще — исследованы, описаны и через это обобществлены. Например, у нас нет истории т.н. «инновационного» образования. Почти неизвестна жизнь «городских субкультур» и культурные новообразования, рождающиеся там. Региональные музеи,

создающие свои небанальные интерпретации местной — а через это и национальной! — истории, остаются замкнуты на своём местном уровне. Результаты множества локальных культурных инициатив остаются незамеченными, неархивированными, и не востребуемыми, а ценный опыт неиспользованным... И так далее. И в итоге, у нас трудности с этим чаемым «гуманитарным сообществом» — не на чём вырасти тому, что объединило бы разнообразных «гуманитарных практиков» некоей общей идентичностью: мифу (потому-то так часто «каждый сам за себя»). А как может вырасти коллективный миф без общей истории, общей географии (карты) и общего языка? Тут надо заметить, что и концептуальный язык для описания культурных практик и «развития групповых идентичностей» малоразвит, и при том англоизирован (а значит, может оказаться попросту непригодным для описания *местных* феноменов); и объекты для таких исследований мало определены. И соответствующая литература малоизвестна. То-то недаром я путаюсь, определяя, о чём пишут в нашем журнале. Да и вообще такие исследования нужны, кроме историков и антропологов, тем, кто заинтересован в исторической перспективе своего и общего дела, а таких людей... И всё-таки надо работать.

Так что, если говорить о миссии, о том, зачем, в конечном счете, *всё это*, в качестве цели журнала я бы выделил, пожалуй, не информирование, связность, исследование, а другое: развитие *общего гуманитарного воображения*. Такой журнал нужен, чтобы можно было себе представить сообщество тех, кому нужен такой журнал. А представив, попробовать жить так, как будто живёшь в таком сообществе. Ценность такого воображаемого проживания — при том, что оно может иметь явные, зримые и нетривиальные практические и коммуникативные результаты — я все-таки не могу обосновать. Но это — к благу! Упоминал же выше про идеализм.

*Шептал он: да что ж это,
в самом деле, неужто и
вправду порвалась нить?
Неужто мои батарейки сели,
неужто нечем их заменить?
Неужто осталось стоять у
дороги и удивляться как идиот:
Ведь смысла нет, и не
было, — но поезд идёт!
И только Солнце снова
будило его, дыша в висок,
кричало: «вставай, ведь
такова твоя функция
во всех попутных мирах,
где горит твоё колесо,
до поры, пока не вытек бензин!»*

